

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	9
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Соблазн массовых движений

ГЛАВА I	
Жажда перемен	21
ГЛАВА II	
Стремление к перевоплощению	30
ГЛАВА III	
Сменяемость массовых движений	35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Потенциальный человек убежденный

ГЛАВА IV	
Роль отщепенцев в делах человеческих	43
ГЛАВА V	
Бедняки.....	46
<i>Новые бедняки .....</i>	<i>46</i>
<i>Отверженные .....</i>	<i>48</i>
<i>Свободные бедняки.....</i>	<i>51</i>
<i>Творческие бедняки .....</i>	<i>54</i>
<i>Объединенные бедняки.....</i>	<i>54</i>
ГЛАВА VI	
Не на месте	67
ГЛАВА VII	
Крайние эгоисты	70

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

ГЛАВА VIII

Честолюбцы перед неограниченными возможностями	71
--	----

ГЛАВА IX

Меньшинства	72
-------------------	----

ГЛАВА X

Скучающие	74
-----------------	----

ГЛАВА XI

Грешники	76
----------------	----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Объединенная акция и самопожертвование

ГЛАВА XII

Вступление	81
------------------	----

ГЛАВА XIII

Факторы, способствующие самопожертвованию	85
<i>Отождествление с коллективным целым</i>	85
<i>Притворство</i>	89
<i>Недооценка существующего</i>	92
<i>«Вещи, которых нет»</i>	100
<i>Доктрина</i>	102
<i>Фанатизм</i>	107
<i>Массовые движения и армии</i>	111

ГЛАВА XIV

Объединяющие элементы	115
<i>Ненависть</i>	115
<i>Подражание</i>	125
<i>Убеждение и принуждение</i>	129
<i>Руководство</i>	135
<i>Действие</i>	143
<i>Подозрительность</i>	147
<i>Результаты объединения</i>	150

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Начало и конец

ГЛАВА XV

Люди слова	155
------------------	-----

ГЛАВА XVI

Фанатики	168
----------------	-----

ГЛАВА XVII

Практичные «люди действия»	173
----------------------------------	-----

ГЛАВА XVIII

Хорошие и плохие массовые движения	179
--	-----

Непривлекательность и бесплодность

<i>активной фазы .....</i>	<i>179</i>
----------------------------	------------

Некоторые факторы, определяющие продолжительность

<i>активной фазы .....</i>	<i>183</i>
----------------------------	------------

<i>Полезные массовые движения .....</i>	<i>189</i>
---	------------

ПРИМЕЧАНИЯ	198
-------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Имя американского мыслителя Эрика Хоффера (1902–1983) все еще остается недостаточно известным нашему читателю. Его первая и, по-видимому, самая значительная из опубликованных им девяти книг — *The True Believer*, — представляет собой размышления о природе массовых движений.

Работа, ставшая в США классической, до сих пор не имеет должного резонанса на европейском континенте. Действительно, что, казалось бы, нового можно сказать в этой области после Г. Ле Бона, Г. Тарда, З. Фрейда, М. Вебера, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Юнга, Э. Канетти и многих других, которые сделали предметом своего анализа природу массового сознания и массового поведения?

Одной из возможных причин этого недостаточного внимания является то, что в отличие от упомянутых имен, существенно повлиявших на устроения культуры XX столетия, Хоффер воспринимается как человек, находящийся вне сложившейся академической среды. Портовый грузчик, батрак, бродяга — он является ярким примером американского феномена *self-made man*. Внезапно ослепший в возрасте семи лет, он расценил столь же непостижимым образом возвращенное через восемь лет зрение как дар, которым в силу его негарантированности необходимо воспользоваться в максимальной мере. Опасаясь, что он может опять ослепнуть, Хоффер набросился на книги с жадностью, подстегиваемой реальной экзистенциальной угрозой потери зрения.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Привлекательность книги Хоффера — в оригинальности и самостоятельности его мышления. В то время как американская психология и социальная теория испытывали в середине прошлого века преобладающее воздействие идей Фрейда, Хоффер сумел обозначить направления своих исследований за пределами того, что может быть обозначено в качестве mainstream. Ключевой проблемой человеческого бытия, по его мнению, является наличие чувства собственного достоинства (self-esteem). В то же время человек сталкивается с постоянной опасностью утраты этого чувства, без всякого успеха компенсируемого его вовлеченностью в различные формы публичной жизни, и, как правило, приводящего к забвению смысла своего бытия.

Хоффер в меньшей мере, чем кто-либо другой, дает основание упрекать себя в наличии чувства враждебности к тому, что принято обозначать посредством понятия «народные массы». Для него «человек-масса», точно так же как и для Ортеги-и-Гассета, — всеобщий феномен, затрагивающий каждого из нас. Растворение в массе имеет в качестве своего результата снижение умственных способностей, независимо от уровня образования и культуры участвующих. В итоге мы имеем дело с поведением, предопределяемым воздействием элементарных импульсов и маловосприимчивым к доводам разума.

Ситуация лишь усугубляется в атмосфере процессов глобализации современного мира и таким воздействием средств массовой информации на индивидуальное сознание, которое многократно умножает возможности трансляции заданных образов и картин действительности. Конформность, обезличенность, анонимность форм мышления, носителем которых мы неизбежным образом являемся, преимущественно не отдавая себе в этом отчета, решающим образом подвергает сомнению доминирующую парадигму восприятия человеческого существа как animal rationale. В свою очередь представление о незавершенности,

открытости, субстанциальной непредопределенности человеческого бытия, столь характерное для прозрений XX века, с необычайной остротой ставит перед современным обществом задачу обнаружения путей и способов наделения человека тем, что до сих пор слишком часто воспринималось естественно принадлежащим ему по определению.

«Большая часть жизни — это одно непрекращающееся усилие, направленное на то, чтобы уйти от необходимости думать», — говорит герой одного из рассказов О. Хаксли. Следует лишний раз напоминать о том, что нынешнее «омассовление» планеты может способствовать усугублению этой и без того крайне серьезной опасности?

Нет никакого сомнения в том, что мы имеем дело далеко не только с теоретической проблемой. XX век предоставил более чем богатую пищу для осмысления всего того, сколь опасными, а порой и трагическими, могут быть последствия массовых движений. Способность извлечь должные уроки из прошлого опыта в существенной мере зависит от нашей готовности услышать предостережения, которые содержатся в книге Эрика Хоффера.

Единственно от чего следовало бы удержаться нам, читателям, — так это от соблазна отнести содержание всего, что содержится в книге, на счет других. Нужно найти в себе мужество, всматриваясь в изображение, обнаружить самих себя, поскольку у нас есть все основания сказать, перефразируя слова Рокуэлла Кента: «Это мы, Господи!»

Л.Л. Михайлов

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Эрику Хофферу сейчас [в 1962 году] шестьдесят лет; последние 20 лет — с 1943 года — он работает портовым грузчиком на Калифорнийском побережье США, главным образом в Сан-Франциско. До того он работал сезонным батраком, рабочим на золотых приисках в штате Невада, бродяжничал.

Эрик Хоффер — самоучка, «свободный философ». Он выпустил две книги, одна из которых — «Истинноверущий».

Вот что рассказывает о своей юности сам Э. Хоффер: «В школу я никогда не ходил. До 15 лет был почти слепым. Когда зрение вернулось ко мне, меня охватил неутолимый голод к печатному слову. Я читал все без разбору — все, что попадалось на английском и немецком языках... После смерти отца (он был столяром) я понял, что мне придется заботиться о себе самому. Я уже определенно знал несколько вещей: во-первых, что не хочу работать на фабрике; во-вторых, что не вынесу зависимости от благосклонности какого-нибудь начальства; в-третьих, что всегда буду бедным; в-четвертых, что мне надо уехать из Нью-Йорка. Логика подсказала, что для бедного самый лучший край — Калифорния».

Во времена депрессии в течение десяти лет молодой Э. Хоффер батрачил по Калифорнии в горячую пору сельскохозяйственных работ; батрачил вместе с другими «новыми пионерами» того тяжелого времени, которых называли «арки» и «оки», — это были разорившиеся от засухи

фермеры штатов Арканзас и Оклахома, тысячами устремлявшиеся — вместе с семьями, целыми караванами — в Калифорнию (русскому читателю эта эпопея известна по роману «Гроздь гнева»).

Из опыта жизни вместе с «арками» и «оками» у Э. Хоффера и возник интерес к массовым движениям. В годы размышлений и работы над книгой Э. Хоффер много бродяжничал: где бы он ни был, всюду — в десятках городков — записывался в библиотеки, где брал книги для чтения; когда случались деньги, снимал комнату рядом с библиотекой, чтобы быть ближе к книгам, справочникам, чтобы ничто не мешало сосредоточенно размышлять и писать.

(Из предисловия к изданию 1962 года)

Человеку хочется быть великим, а он видит, как мал он; ему хочется быть счастливым, а видит, как он несчастлив; ему хочется быть совершенством, а сам он полон недостатков; ему хочется быть любимым и уважаемым всеми, а он своими недостатками вызывает к себе презрение и отвращение. Эта двойственность его положения порождает в нем страсти преступные и несправедливые по отношению к Другим: в нем нарождается жгучая ненависть к горькой для него правде.

Б. Паскаль. Мысли

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — о некоторых особенностях, свойственных всем массовым движениям: будь то религиозные движения, национальные или социальные революции. Книга эта не утверждает, что все массовые движения однородны, но у всех них есть некоторые характерные основные черты, придающие им «семейное сходство».

Все массовые движения порождают в своих последователях готовность жертвовать собой и действовать объединенными силами; все массовые движения, независимо от своих программ и доктрин, вызывают фанатизм, энтузиазм, горячие надежды, ненависть, нетерпимость; все они могут в определенных областях жизни вызвать могучий поток активности; все они требуют слепой веры и нерассуждающей верности.

Все массовые движения, как бы ни были различны их цели и доктрины, первых своих последователей находят среди людей определенного склада и привлекают к себе людей одинакового образа мысли.

Хотя различия между фанатичным христианином, фанатичным мусульманином и таким же националистом или между фанатиком-коммунистом и фанатиком-нацистом очевидны, однако в их фанатизме, несомненно, имеется и общее. То же самое можно сказать о силе, которая толкает их всех к экспансии и стремлению к мировому владычеству. Нет никакого сомнения, что в явлениях, связанных с фанатичной верой, стремлением к власти, к единению, самопожертвованию, имеется известная общность.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Каждое «священное дело» сильно отличается одно от другого — по содержанию и доктрине, но все факторы, которые делают их действенными, однородны.

Каждый, подобно Паскалю, находившему убедительные доказательства истинности христианства, может найти не менее убедительные доказательства истинности коммунизма, нацизма или национализма. За какое бы «священное дело» ни отдавали свои жизни люди, они, вероятно, в основном умирают за одно и то же.

В этой книге говорится главным образом о массовых движениях в фазе их подъема. Именно в этой фазе ведущую роль играет человек убежденный — фанатик «священного дела», готовый для этого дела пожертвовать и жизнью. Эта книга — попытка проследить происхождение человека убежденного и дать описание его сути. Для этого приходится прибегнуть к одной рабочей гипотезе. Будем исходить из факта, что в начале всех массовых движений среди их участников преобладают неудовлетворенные жизнью люди и что примыкают они к движению по своей воле, а затем предположим, что: 1) неудовлетворенность эта сама по себе порождает большинство характерных черт человека убежденного, без какого бы то ни было внешнего влияния (даже до его участия в движении), 2) действительно эффективный метод обращения в веру состоит в основном в том, чтобы развить и укрепить склонности и реакции, свойственные неудовлетворенному сознанию.

Для проверки правильности этих предположений пришлось изучить особенности самой неудовлетворенности, затем — как реагируют на них неудовлетворенные, потом — насколько их реакции совпадают с реакциями человека убежденного и, наконец, каким образом эти реакции способствуют зарождению и распространению массовых движений. Пришлось еще рассмотреть практику современных массовых движений, усовершенствовавших методы обращения в веру, чтобы выяснить: подтверждает ли эта

практика точку зрения, что массовое движение умышленно разжигает неудовлетворенность и что такое поощрение неудовлетворенности всегда служит интересам этого движения.

В наше время большинству из нас необходимо для самих себя составить некоторое понятие о мотивах и побуждениях человека убежденного. Наш век, с одной стороны, — безбожный, но, с другой стороны, — очень религиозный. Где бы ни жил человек убежденный, он везде наступает: обращает ли людей в свою веру или восстанавливает их против себя — он везде переделывает мир на свой манер. Хотим ли идти вместе с ним или против него, мы должны знать как можно лучше его природу и его возможности.

Необходимо сделать небольшое замечание: говоря о «семейном сходстве» массовых движений, слово «семья» мы употребляем в таксономическом смысле. Помидор и черный паслен относятся к одному семейству Solonaceae, и, хотя помидор съедобен, а черный паслен ядовит, оба они имеют много общих морфологических, анатомических и физиологических свойств, — даже неботаник заметит их семейное сходство. Предположение, что у массовых движений много общих черт, не означает, что все движения одинаково благотворны или, наоборот, вредны. В этой книге не высказывается окончательных суждений и не отдается предпочтений чему-либо; в ней только сделана попытка кое-что разъяснить; разъяснения же эти — все, по существу, только теории, мысли и доводы даже там, где они выражены, казалось бы, категорически. Для ясности приведу слова Монтеня: «Все, что я говорю, — это только рассуждения, а отнюдь не рецепт. Я не говорил бы так смело, если бы мне обязаны были верить».

Эрик Хоффер, 1951

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

•

Соблазн массовых движений

ГЛАВА I

Жажда перемен

1

Общеизвестно, что все, кто примыкает к нарастающему революционному движению, делают это из соблазна перспективы быстрых и больших перемен в условиях их жизни. Ясно, что революционное движение — это орудие перемен.

Не так очевидно, что и религиозные, и национальные движения тоже могут быть средствами перемен.

По-видимому, для большой и быстрой перемены необходим массовый энтузиазм или вообще некое массовое возбуждение, при этом неважно, отчего они происходят — в результате ли надежды на обогащение, или в результате самой активности массового движения.

В нашей стране со времен гражданской войны огромные изменения происходили в атмосфере, накаленной энтузиазмом, порожденным небывалыми возможностями для личного успеха. Там, где личный успех не может быть движущей силой, должны быть найдены новые источники энтузиазма, чтобы провести и закрепить такие важные перемены, как пробуждение и преобразование косного общества или коренные преобразования в характере и образе жизни общины. Религиозные, революционные и национальные движения порождают массовый энтузиазм.

Главной движущей силой перемен в прошлом были религиозные движения. Консерватизм религии — ее

ортодоксальность — это инертный коагулянт* некогда высокочувствительных соков. Религиозное движение в период своего подъема, когда все меняется и экспериментируется, широко открыто для новых взглядов и новых методов. Народившийся ислам был средством организации и модернизации. Христианство оказало сильное влияние на цивилизацию и развитие варварских племен Европы. Крестовые походы и Реформация встряхнули западный мир от средневекового застоя.

В новое и новейшее время массовое движение, осуществившее широкую и быструю перемену, всегда было революционным или национальным, или тем и другим вместе. Петр Великий не уступал большинству самых преуспевших революционных и национальных вождей в целенаправленности, во власти и беспощадности. Но в своей главной цели — превратить Россию в западное государство — он потерпел неудачу. Причина его неудачи была в том, что он не зажег души русских масс активным энтузиазмом. Он не считал это необходимым или не знал, как сделать свою цель «священным делом». Неудивительно, что революционеры-большевики, ликвидировав последнего царя Романова, сразу же почувствовали некое родство с Петром, хотя тот был и царем, и Романовым. Его цель стала их целью, и они надеются преуспеть там, где он потерпел поражение. Очень возможно, что в истории большевистская революция будет фигурировать не только как попытка создания коммунистической экономики, но и как попытка преобразования одной шестой части земного шара.

Тот факт, что и Французская революция, и русская революция обернулись национальными движениями, по-видимому, указывает на то, что в новое и новейшее время национализм является самым обильным и надежным источником энтузиазма масс и что надо использовать

* Коагулянт — сгущающее вещество. — *Прим. пер.*

националистический угар до тех пор, пока не утвердятся начатые на революционном энтузиазме коренные перемены. Очень возможно, что трудности на пути правительства Рабочей партии Великобритании объясняются тем, что его попытка изменить экономику страны и образ жизни 49 миллионов человек была задумана в атмосфере, совершенно свободной от страстей, экзальтации и фантастических надежд. Культурных и добропорядочных вождей лейбористской партии от применения революционного энтузиазма удержал их отказ от уродливых методов, созданных большинством современных массовых движений. Но не исключена возможность, что события заставят и их прибегнуть к каким-нибудь легким формам шовинизма и в Великобритании будет иметь место «национализация социализма как естественное следствие социализации нации»¹.

Невероятная модернизация Японии, очень возможно, была бы немыслима без возрождения духа японского национализма. Похоже на то, что и быстрая модернизация некоторых европейских стран (особенно Германии) до некоторой степени была облегчена подъемом и распространением националистических страстей. Возрождение Азии, судя по всем имеющимся данным, придет, скорее всего, через национальные движения. Появление подлинного национального движения позволило Кемалю Ататюрку модернизировать Турцию чуть ли не за один день. Египет, несмотря на многочисленные и тесные связи его владык с Западом (начиная с Ахмета Али), модернизируется медленно и вяло — в стране нет массовых движений. Чан Кайши мог бы и сейчас действовать как преобразователь Китая, знай он, как запустить массовое движение или хотя бы как сохранить в массах национальный подъем, вызванный японским вторжением. Но он этого не знал и был отброшен мастерами «религиозификации» — искусства превращать практические цели в «священное дело».

Нетрудно понять, почему Америка и Англия (или другая западная демократия) не могли сыграть непосредственной и руководящей роли в пробуждении азиатских стран от отсталости и косности: демократии или не склонны, или не способны зажечь дух возрождения в миллионах азиатов. Содействие западных демократий пробуждению Востока было побочным и, конечно, ненамеренным. Они разожгли на Востоке энтузиазм возмущения против Запада. Эта антизападная страсть теперь и пробуждает Восток от спячки столетий².

Хотя жажда перемен — нередко только внешний повод для массовых движений, однако стоит выяснить: не поможет ли исследование этой жажды осветить внутреннее действие массовых движений? Поэтому мы и должны исследовать природу жажды перемен.

2

Мы склонны считать, что те силы, которые оформляют наше существование, действуют на нас извне. Наши успехи и неудачи связаны в нашем сознании с тем, что происходит вокруг нас. Поэтому удовлетворенные люди считают этот мир отличным и хотят сохранить его таким, как он есть, в то время как неудовлетворенные требуют радикальных перемен. Склонность все объяснять внешними причинами остается даже тогда, когда совершенно ясно, что главное — в наших личных качествах: в наших способностях, в нашем характере, внешности и т. д. «Когда у человека что-нибудь не так, — говорит Торо, — и он не может выполнять своих функций, например, если у него болит живот... он тут же принимается за переделку... мира!»³

Вот почему неудачники сваливают свои неудачи на мир. Занятно, что и преуспевающие люди, как бы они ни гордились своей дальновидностью, силой духа, бережливостью и другими достоинствами, в сущности, тоже верят, что их успех — это результат случайного стечения обстоятельств.

Уверенность в себе — даже у самых счастливых — никогда не бывает абсолютной. Они никогда не уверены, что им известны все составные части их личного успеха. Внешний мир кажется им механизмом хотя и отрегулированным, но не очень надежно, и, пока он «тикает» в их пользу, трогать его они боятся. Таким образом, сопротивление переменам и жажда перемен берут свое начало в одинаковых взглядах на жизнь, при этом сопротивление переменам может быть таким же сильным, как и жажда перемен.

3

Недовольство само по себе не обязательно ведет к желанию перемен. Чтобы неудовлетворенность превратилась в отрицание, должны существовать и другие факторы. Один из них — ощущение собственной силы.

Люди, испытывающие страх перед окружающим миром, как бы плохо они ни жили, о переменях не думают. Если форма нашей жизни настолько неустойчива и ясно, что контролировать условия нашего существования мы не можем, — мы стремимся придерживаться привычного и понятного. Люди часто превращают свою жизнь в постоянную рутину и с ее помощью противостоят чувству неуверенности и ощущению опасности. Этим достигается иллюзия, что непредвиденное приручено. Рыбаки, кочевники, крестьяне, т. е. те, кто зависит от неподвластных им элементов, или творческий работник, зависящий от вдохновения, или дикарь, испытывающий благоговейный страх перед внешними силами, — все они боятся перемен. Они стоят перед миром, как перед всемогущим судьей. Обездоленные тоже стоят в благоговейном страхе перед окружающим миром, боясь перемен. Суровые испытания голода и холода делают жизнь тяжелой, но тем не менее консерватизм бедных так же глубок, как и консерватизм привилегированных. Консерватизм бедных — такой же фактор сохранения существующего общественного строя, как и консерватизм богатых.

Люди, которые торопятся с проведением больших перемен, обычно чувствуют себя носителями какой-то непреодолимой силы. Поколение, совершившее Французскую революцию, имело преувеличенное представление о всемогуществе и безграничных возможностях человеческого разума. «Никогда, — говорит де Токвиль, — человечество так не гордилось самим собой, так твердо не верило в свое всемогущество. Наряду с этой непомерной самоуверенностью возникла всеобщая жажда перемен, охватившая все умы»⁴. Большевики с Лениным во главе, опрометчиво бросившиеся в хаос создания нового мира, слепо верили во всемогущество марксизма. У нацистов такой сильной доктрины не было, но у них была вера в непогрешимость своего вождя и вера в новые методы. Весьма сомнительно, чтобы национал-социализм добился такого большого успеха, не будь у него горячего убеждения, что его новые методы — «блицкриг» и тотальная пропаганда — сделают Германию непобедимой.

Верой поддерживается даже естественное стремление к прогрессу — верой во врожденное добро в человеке и во всемогущество науки. Но и эта вера — от гордыни и чрезмерного самодовольства — похожа на веру тех, кто строил Вавилонскую башню: «город и башню до неба... и не останут они от того, что задумали делать»⁵.

4

На первый взгляд кажется, что обладание силой автоматически, само по себе, ведет к вызывающему отношению к миру и желанию перемен. Но это не всегда так. Сильный так же может быть рабом, как и слабый. Думается, что вера в будущее куда важнее, чем обладание инструментами власти. Там, где власть не соединена с верой в будущее, она употребляется главным образом для сохранения status quo и для ограждения его от всего нового. С другой стороны, необузданная надежда, даже без поддержки

настоящей силы, может породить безрассудную смелость. Человек с надеждой может получить силу из самых невероятных источников, например из лозунга, из слова, из пуговицы. Всякая вера бессильна, если она не включает в себя веры в будущее, если не предсказывает светлого будущего. Так и доктрина: чтобы быть действенной, она должна быть не только источником власти, но и ключом к книге будущего⁶.

Люди, желающие преобразовать страну или весь мир, не могут рассчитывать на успех, если они будут только разжигать недовольство и управлять им или будут доказывать, что запланированные перемены разумны и желанны, или станут насильно навязывать народу новый образ жизни. Необходимо разжечь и раздуть страстную надежду. При этом совсем неважно, идет ли речь о царстве небесном или о рае на земле, о грабеже и несметных богатствах, о сказочных достижениях или мировом господстве. Если коммунистам удастся овладеть Европой и большей частью мира, то произойдет это не потому, что они знают, как раздуть недовольство или как заразить людей ненавистью, а потому, что они умеют проповедовать надежду.

5

Таким образом, разница между консерватором и радикалом заключается главным образом в разнице их взглядов на будущее. Страх перед будущим заставляет опираться на настоящее и цепляться за него, в то время как вера в будущее делает нас более восприимчивыми к переменам. Богатые и бедные, сильные и слабые, те, кто достиг многого или малого, — все могут бояться будущего. Когда настоящее кажется нам совершенным, то единственно, чего мы можем ожидать, — это продление в будущем настоящего, и в подобном случае перемена может быть только к худшему. Поэтому все, кто многого достиг и кто живет полной и счастливой жизнью, обычно являются противниками

радикальных новшеств. Консерватизм инвалидов и людей старше среднего возраста также берет свое начало из страха перед будущим. Они во всем видят признаки упадка и считают, что всякая перемена ведет не к лучшему, а к худшему. Не верят в будущее и обездоленные. Будущее кажется им миной, заложенной на их пути: двигаться нужно очень осторожно. Желать перемен для них — все равно, что самому напрашиваться на неприятности.

Что касается надеющихся — совсем неважно, кто охвачен дикой надеждой: энтузиаст-интеллигент или жадный до земли крестьянин, спекулянт, стремящийся к быстрой наживе, или солидный купец и промышленник, простой рабочий или знатный аристократ — все они настоящего не берегут, часто разрушают его и тем самым создают новый мир. Революции поэтому могут совершаться не только бедняками, но и привилегированными. Движение «огораживания» в Англии XVI и XVII веков было революцией богатых. Шерстопрядильная промышленность выросла до высокого уровня, и овцеводство стало выгоднее земледелия. Землевладельцы выгнали со своих земель арендаторов, огородили общинные пастбища и этим произвели глубокие перемены в общественной и экономической структуре страны. «Лорды и аристократы нарушали общественный порядок, разрушали древние законы и обычаи — чаще давлением и запугиванием, а иногда и насильственно»⁷. Другая революция, совершенная богатыми, произошла в Англии в конце XVIII и начале XIX века. Это была промышленная революция. Новые, дух захватывающие возможности механизации воспламенили тогда воображение фабрикантов и купцов. Они начали революцию, «такую же до крайностей радикальную, как и те, что воспламеняли когда-то умы сектантов»⁸; в сравнительно короткое время эти почтенные, богобоязненные граждане изменили лицо Англии до неузнаваемости.

В дни, когда по улицам носятся надежды и мечты, робким лучше всего запереть свои двери, закрыть окна

и сидеть спокойно, пока все утихнет. В мире так часто случается, когда между надеждами — как бы они сами по себе ни были благородны и хороши — и теми действиями, которые они вызывают, возникает чудовищный разрыв. Получается так, как если бы девушки, обвитые плющом, и юноши, украшенные гирляндами, вдруг превратились бы в четырех всадников Апокалипсиса.

6

Для того чтобы броситься с головой в предприятие, связанное с большими переменами, люди должны быть крайне неудовлетворенными, не очень бедными и иметь такое чувство, что, обладая могучей доктриной, непогрешимым вождем или новыми методами, они получают доступ к источнику всесокрушающей силы. Одновременно они должны иметь преувеличенное представление о возможностях и перспективах будущего. И наконец, они должны быть совершенно несведущими в трудностях, связанных с их предприятием. Опыт в этом случае — помеха. Люди, начавшие Французскую революцию, не имели никакого политического опыта. Как и большевики, и нацисты, и революционеры Азии. Опытный человек появляется позднее: он вступает в движение, когда оно уже на ходу. Английский политический опыт, наверно, и оберегает англичанина от массовых движений.

ГЛАВА II

Стремление к перевоплощению

7

Существует коренная разница между соблазном массового движения и соблазном практической деятельности. Практическая деятельность дает людям возможность продвижения — соблазн ее большей частью исходит из личных интересов. Массовое движение, в частности в фазе его подъема, привлекает не тех, кто хочет продвинуть свое нежно любимое «я», а тех, кто старается освободиться от своего нежеланного «я». Массовое движение привлекает и удерживает последователей не тем, что оно удовлетворяет желание самопродвижения, а тем, что оно может дать удовлетворение страсти к самоотверженности.

Люди, смотрящие на свою жизнь как на непоправимо испорченную, не могут найти достойной для себя цели в самопродвижении. Перспектива личной карьеры не может вызвать у них ни мощного усилия, ни веры, ни твердых убеждений. На личную заинтересованность они смотрят как на нечто позорное, недостойное и порочное, как на что-то нечистое, и успешная карьера для них совсем не удача. Все то, что предпринимается лично для себя, для своего «я», кажется им обреченным. Все, что берет свои корни и начала в личном «я», хорошим и благородным быть не может. Искреннейшее стремление таких людей — это стремление к новой жизни, к возрождению или, если этого нет, к возможности приобретения новой основы для

гордости, уверенности, надежды, целеустремленности, чувства собственного достоинства путем отождествления себя с каким-нибудь «священным делом»: активное массовое движение и дает им обе эти возможности. Когда они примыкают к движению как союзники до конца, то находят возрождение к новой жизни в тесно сплоченном коллективе; когда они присоединяются как сочувствующие, то обретают основы для гордости, уверенности, целеустремленности тем, что отождествляют себя с усилиями, достижениями и перспективами движения.

Неудовлетворенные находят в массовом движении возможность стать другими людьми, получая видную роль или по крайней мере некоторые качества, которых они не могут обрести исходя из ограниченных ресурсов собственного «я».

Конечно, среди первых приверженцев каждого массового движения имеются и авантюристы, которые надеются, что движение пустит в ход и их колесо фортуны и вынесет их к славе и власти. Правда, некоторую самоотверженную преданность проявляют иногда и те, кто идет в иные объединения — в ортодоксально-политические партии и в организации практического типа. Но факт остается фактом: практическое предприятие не может существовать, если оно не дает удовлетворения личному интересу, а силы и рост массового движения во время подъема прямо зависят от способности движения вызывать и удовлетворять страсть к самоотверженности. Как только массовое движение начинает привлекать к себе людей, заинтересованных в своей личной карьере, — значит, оно прошло фазу своего подъема и уже занято не созданием нового мира, а старается сохранить и удержать существующее. Это значит, что движение перестало быть движением, а стало предприятием. Гитлер считал, что чем больше «постов и должностей» может раздать движение, тем ниже качество его кадров, и в конце концов эти политические паразиты начинают

численно подавлять победоносную партию до такой степени, что честный боец прежних дней перестает узнавать свое движение... Если так случается, это значит, что миссия движения окончена»¹.

О природе полного перевоплощения, которое делает человека истинно убежденным, о самопожертвовании и объединенном действии рассказывается в главах части третьей. Здесь же мы рассмотрим только частичное перевоплощение.

8

Вера в «священное дело» частично заменяет утраченную нами веру в самих себя.

9

Чем меньше у человека оснований говорить о своем собственном превосходстве, тем больше он готов утверждать, что превосходством обладает его страна, его религия, его раса или его «священное дело».

10

Своими собственными делами человек больше занимается тогда, когда они имеют смысл; в противном случае он бросает свои бессмысленные дела и лезет в чужие.

Вмешательство в чужие дела выражается в сплетнях, кознях, в совании носа туда, куда не следует, а также в лихорадочном интересе к общественным, национальным или расовым делам. Убегая от самого себя, мы или бросаемся на шею соседу, или хватаем его за горло.

11

Горячее убеждение в том, что мы имеем священную обязанность перед другими, часто только способ спасения нашего утопающего «я»: мы хватаемся за проплывающий мимо плот. То, что мы называем своей протянутой рукой помощи другому, на деле часто только рука, цепляющаяся

для спасения нашей собственной драгоценной жизни. Отнимите от нас эти «священные обязанности», и наши жизни становятся ничтожными и бессмысленными. Нет сомнения, что, меняя эгоцентрическую жизнь на самоотверженную, мы невероятно выигрываем в смысле почета и уважения. Тщеславие самоотверженных, даже тех из них, кто действительно проявляет крайнее смирение, — безгранично.

12

Одна из самых сильнодействующих приманок массового движения — в том, что оно заменяет нам надежду. Приманка эта особенно сильно действует в обществе, где широко распространена идея прогресса. В понятии прогресса категория «завтра» занимает очень большое место: понятно, что неудовлетворенность, когда впереди не видно ничего хорошего, крайне мучительна. Герман Раушнинг говорил о догитлеровской Германии: «ощущение, что мы зашли в тупик, было одной из худших мук, какие нам пришлось пережить после проигранной войны»². В современном обществе люди могут жить без надежды только в том случае, если их держат в оглушенном состоянии, если все время заставляют бегать, не переводя дыхания. Отчаяние безработного заключается не столько в перспективе полной бедности, сколько в том, что он вдруг увидел Ничто — полную пустоту. Именно поэтому безработные охотнее идут за продавцами надежды, чем за дающими им пособия по безработице.

Массовые движения обычно обвиняют в обмане их участников: в том, что они надеждами на будущее лишают их возможности наслаждаться настоящим. Но для неудовлетворенных настоящее и без того непоправимо исковеркано: удобства и удовольствия не могут восстановить для них настоящего. Только надежда может принести им чувство подлинного удовлетворения.

13

Когда наши личные интересы, наши планы на будущее перестают нам казаться стоящими того, чтобы жить ради них, мы начинаем остро нуждаться в чем-то таком, что лежит вне нас и ради чего стоило бы жить. Все формы приобщения к массовому движению — посвящение, преданность, верность, самоотверженность — по сути дела, отчаянное цепляние за то, что может придать цену и значение нашей опустошенной и обанкротившейся жизни. Именно поэтому соединение со «священным делом» всегда горячо и страстно. Уверенность в самом себе может быть ограничена, но вера в свою страну, в свою религию, расу или в свое «священное дело» должна быть всеохватывающей и бескомпромиссной. Неполное перевоплощение не может вытеснить из нас и изгладить нашего «я», которое мы хотим забыть. Уверенности в том, что мы обрели нечто такое, ради чего стоит жить, не может быть, если мы не готовы за это отдать свою жизнь. Наша первая жизнь была непоправимо исковеркана или как бы пропущена, и нам пришлось найти какую-то иную жизнь, — готовность же умереть за эту иную, выбранную жизнь только доказывает правильность нашего выбора.

ГЛАВА III

Сменяемость массовых движений

14

Если народ созрел для массовых движений, то это обычно значит, что он готов к любому из них, а не только к какому-нибудь одному движению с определенной доктриной или программой. Положение в догитлеровской Германии было похоже на игру в орлянку: с кем пойдет беспокойная молодежь — с коммунистами или с нацистами? В перенаселенных местах «черты оседлости» царской России еврейское население, жившее в нервном напряжении, было одинаково готово и к революции, и к сионизму; в одной и той же семье один ее член присоединялся к революционерам, другой — к сионистам. Доктор Хаим Вайцман вспоминает слова своей матери, сказанные в те времена: «Что бы ни случилось, мне будет хорошо: Шмуль (сын-революционер) окажется прав — мы будем счастливы в России, Хаим (сионист) окажется прав — я поеду жить в Палестину»¹.

Восприимчивость к массовому движению вообще не всегда исчезает в человеке даже после того, как он перестал быть потенциальным убежденным, а уже примкнул к какому-нибудь движению. А там, где разные массовые движения бурно соревнуются между собой, — там бывают и такие случаи, когда разные последователи одного движения переходят в другое. Превращение Савла в Павла — не редкость и не чудо. В наше время каждое массовое

движение в поисках своих новых последователей видит в разных приверженцах враждебных массовых движений своих потенциальных последователей. Гитлер, например, смотрел на немецких коммунистов как на потенциальных национал-социалистов: «Из мелкобуржуазного социал-демократа или из профсоюзного главаря национал-социалист никогда не получится, но из коммуниста получится всегда»². Капитан Рем хвастался, что самого ярого коммуниста он обратит в нациста в четыре недели³. С другой стороны, Карл Радек смотрел на нацистов-коричневорубашечников как на резерв будущих коммунистов⁴.

Из факта, что массовые движения привлекают людей одного и того же психологического типа и одинакового образа мышления, следует: а) все массовые движения соревнуются друг с другом, и если одно из них набирает больше последователей, то другим достается меньше; б) все массовые движения взаимозаменяемы, одно движение легко может превратиться в другое: религиозное движение может превратиться в националистическое или в социальную революцию; социальная революция — в воинствующий национализм или в религиозное движение; националистическое движение может превратиться в религиозное или в социальную революцию.

15

Массовое движение по своему характеру редко бывает цельным. Обычно одно движение проявляет некоторые элементы движений других видов; иногда одно движение включает в себе два или три. Исход евреев из Египта был и бунтом рабов, и религиозным движением, и национальным. Воинствующий национализм японцев по своей сути революционен. Французская революция была новой религией того времени: она имела свои догматы, священные революционные принципы — Свобода и священное Равенство; она имела «свои религиозные обряды, которые,